Е. Чарушин

ВЕРНЫЙ ТРОЙ

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Е. Чарушин

ВЕРНЫЙ ТРОЙ

Рассказы

Рисунки Е. Чарушина

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» Ленинградское отделение 1990

Ч23
Р2

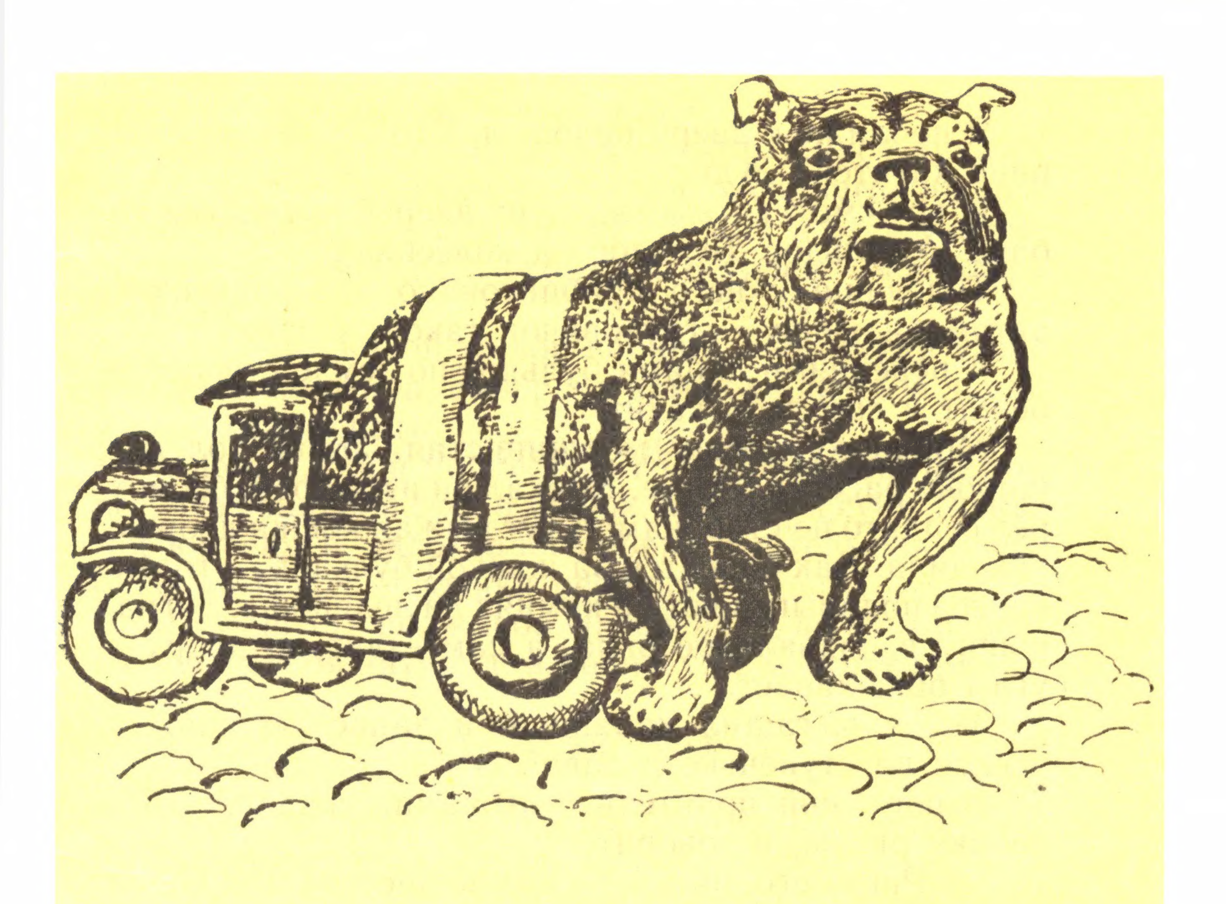
СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРНЫЙ ТРОЙ 3

КОТ ЕПИФАН 9

ДРУЗЬЯ 14

ISBN 5—08—000210—7

ВЕРНЫЙ ТРОЙ

Сговорились мы с приятелем побегать на лыжах. Зашёл я за ним утром. Он в большом доме живёт — на улице Пестеля.

Вошёл я во двор. А он увидел меня из окна и машет рукой с четвёртого этажа.

— Жди, мол, сейчас выйду.

Вот я и жду на дворе, у двери. Вдруг сверху кто-то как загремит по лестнице.

Стук! Гром! Тра-та-та-та-та-та-та-та-та-та! Деревянное что-то стучит-трещит по ступенькам, как трещотка какая.

«Неужели, — думаю, — это приятель мой с лыжами да с палками свалился, ступеньки пересчитывает?»

Я поближе к двери подошёл. Что же там по лестнице катится? Жду.

И вот смотрю: выезжает из дверей пятнистая собака — бульдог. Бульдог на колёсиках.

Туловище у него прибинтовано к игрушечному автомобильчику — грузовичок такой, «газик».

А передними лапами бульдог по земле ступает — бежит и сам себя катит.

Морда курносая, морщинистая. Лапы толстые, широко расставленные. Выехал он из дверей, посмотрел сердито по сторонам. А тут рыжая кошка двор переходила. Как бросится за кошкой бульдог — только колёса подпрыгивают на камнях да ледяшках. Загнал кошку в подвальное окно, а сам ездит по двору — углы обнюхивает.

Тут я вытащил карандаш и записную книжку, уселся на ступеньке и давай его рисовать.

Вышел мой приятель с лыжами, увидел, что я собаку рисую, и говорит:

— Рисуй его, рисуй, — это не простой пёс. Он из-за храбрости своей калекой стал.

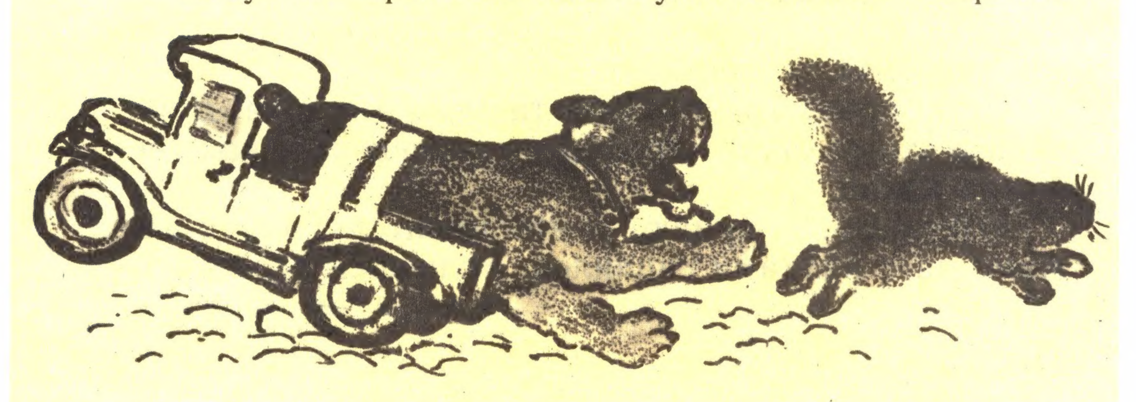
— Как так? — спрашиваю.

Погладил мой приятель бульдога по складкам на загривке, конфету ему в зубы дал и говорит мне:

— Пойдём, я тебе по дороге всю историю расскажу. Замечательная история, ты прямо и не поверишь.

— Так вот, — сказал приятель, когда мы вышли за ворота, — слушай.

Зовут его Трой. По-нашему это значит — верный.

И правильно его так назвали.

Ушли мы как-то раз все на службу. У нас в квартире все служат: один учителем в школе, другой на почте телеграфистом, жёны тоже служат, а дети учатся. Ну вот, ушли мы все, а Трой один остался — квартиру сторожить.

Выследил какой-то вор-ворище, что пустая у нас осталась квартира, вывернул замок из двери и давай у нас хозяйничать.

У него с собой мешок был громадный. Хватает он всё, что попало, и суёт в мешок, хватает и суёт. Ружьё моё в мешок попало, сапоги новые, учительские часы, бинокль Цейса, валенки ребячьи.

Штук шесть пиджаков, да френчей, да курток всяких он на себя натянул: в мешке уже места, видно, не было.

А Трой лежит у печки, молчит — вор его не видит.

Такая уж у Троя привычка: впустить он кого угодно впустит, а вот выпустить — так нет.

Ну вот, обобрал вор всех нас дочиста. Самое дорогое, самое лучшее взял. Уходить ему пора. Сунулся он к двери...

А в дверях Трой стоит.

Стоит и молчит.

А морда у Троя — видал какая?

А грудища-то!

Стоит Трой, насупился, глаза кровью налились, и клык изо рта торчит.

Вор так и прирос к полу. Попробуй уйди!

А Трой ощерился, избочился и боком стал наступать.

Тихонько подступает. Он всегда так врага запугивает — собаку ли, человека ли.

Ворюга, видно, от страха, совсем обалдел, метаться начал без толку, а Трой на спину ему прыгнул и все шесть пиджаков на нём разом прокусил.

Ты знаешь, как бульдоги мёртвой хваткой хватают?

Глаза закроют, челюсти захлопнут, как на замок, да так и не разожмут зубов, хоть убей их тут.

Мечется вор, об стены спиной трётся. Цветы в горшках, вазочки, книги с полок сбрасывает. Ничего не помогает. Висит на нём Трой, как гиря какая.

Ну, догадался наконец вор, вывернулся он как-то из своих шести пиджаков и весь этот куль вместе с бульдогом раз за окно!

Это с четвёртого-то этажа!

Полетел бульдог головой вниз во двор.

Хлоп!

Жижа в стороны брызнула, картошка гнилая, головы селёдочные, дрянь всякая.

Угодил Трой со всеми нашими пиджаками прямо в помойную яму. До краёв была завалена в этот день наша помойка.

Ведь вот какое счастье! Если бы о камни он брякнулся — все бы косточки переломал и не пикнул бы. Сразу бы ему смерть.

А тут будто кто ему нарочно помойку подставил — всё же помягче падать.

Вынырнул Трой из помойки, выкарабкался — будто целый совсем. И подумай только, успел он ещё вора на лестнице перехватить.

Опять в него вцепился, в ногу на этот раз.

Тут сам вор себя выдал, заорал, завыл.

Сбежались на вой жильцы со всех квартир, и с третьего, и с пятого, и с шестого этажа, со всей чёрной лестницы.

А вор только кричит не своим голосом:

— Собаку держите. О-о-ой! Сам в милицию пойду. Оторвите только чёрта окаянного.

Легко сказать — оторвите.

Два человека тянули бульдога, а он только хвостиком-обрубком помахивал и ещё сильнее челюсти зажимал.

Принесли жильцы из первого этажа кочергу, просунули Трою между зубов. Только таким манером и разжали ему челюсти.

Вышел вор на улицу — бледный, всклокоченный. Трясётся весь, за милиционера держится.

— Ну и собачка, — говорит. — Ну и собачка!

Увели вора в милицию. Там он и рассказал, как дело было.

Прихожу я вечером со службы. Вижу, в дверях замок выворочен. В квартире мешок с добром нашим валяется.

А в уголке, на своём месте, Трой лежит. Весь грязный, вонючий.

Позвал я Троя.

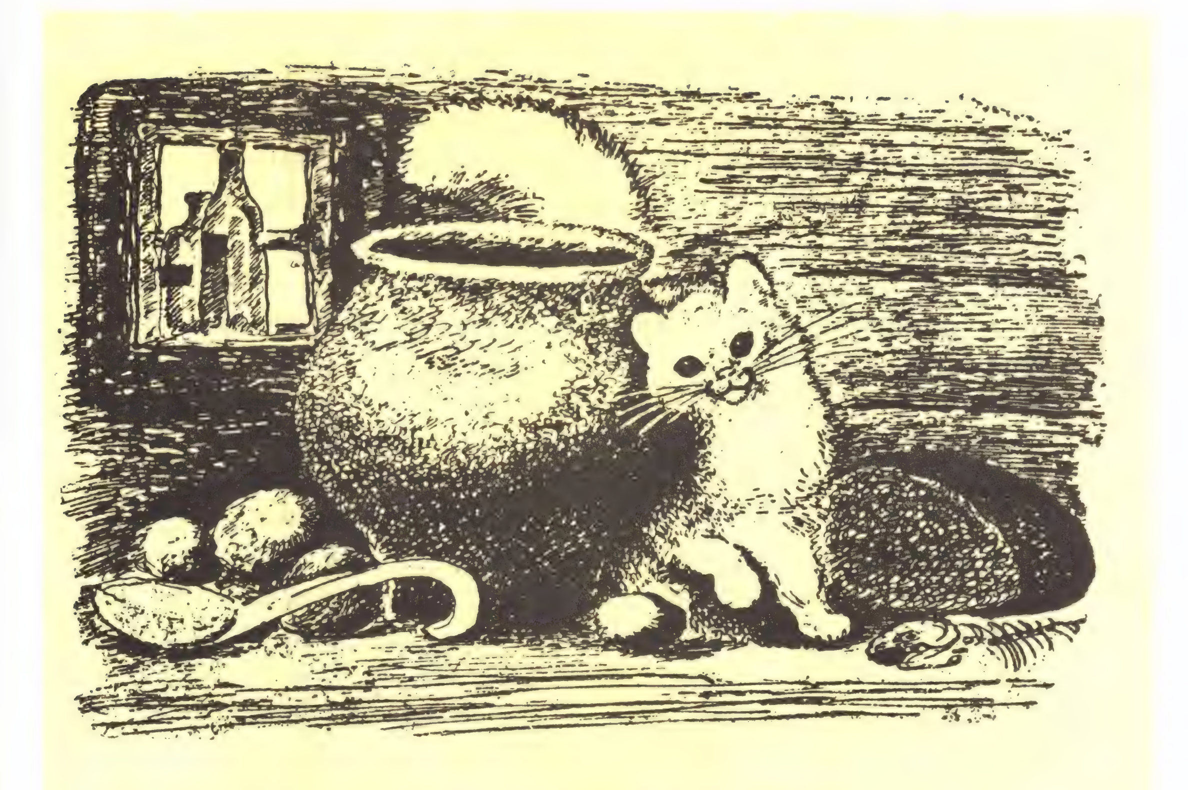
А он и подойти не может. Ползёт, повизгивает.

У него задние ноги отнялись.

Ну, теперь вот мы всей квартирой по очереди его гулять выводим. Я ему колёсики приспособил. Он сам скатывается на колёсиках по лестнице, а назад взобраться уж не может. Надо приподнимать кому-нибудь автомобильчик сзади. Передними-то лапами Трой сам переступает.

Так сейчас и живёт пёс на колёсиках.

КОТ ЕПИФАН

Хорошо и привольно на Волге-реке!

Посмотри, ширина-то какая! Другой берег еле видно! Блестит эта живая, текучая вода. И всё небо в эту воду смотрится: и облака, и голубая лазурь, и кулички, что, пересвистываясь, перелетают кучкой с песка на песок, и стаи гусей и уток, и самолёт, на котором человек куда-то летит по своим делам, и белые пароходы с чёрным дымом, и баржи, и берега, и радуга на небе.

Посмотришь на это текучее море, посмотришь на облака ходячие, и кажется тебе, что и берега тоже куда-то идут — тоже ходят и двигаются, как и всё кругом.

Вот там, на Волге, в землянке, на самом волжском берегу — в крутом обрыве, живёт сторож-бакенщик. Посмотришь с реки — увидишь только окно да дверь.

Посмотришь с берега — одна железная труба торчит из травы. Весь дом у него в земле, как звериная нора.

По Волге день и ночь плывут пароходы. Пыхтят буксиры, дымят, тянут на канатах за собой баржи-беляны, везут разные грузы или тащат длинные плоты.

Медленно поднимаются они против течения, шлёпают по воде колёсами. Вот идёт такой пароход, везёт яблоки — и запахнет сладким яблоком на всю Волгу. Или рыбой запахнет, — значит, везут воблу из Астрахани.

Бегут почтово-пассажирские пароходы, одноэтажные и двухэтажные. Эти плывут сами по себе. Но быстрее всех проходят двухэтажные скорые пароходы с голубой лентой на трубе. Они останавливаются только у больших пристаней, и после них высокие волны расходятся по воде, раскатываются по песку.

Старый бакенщик около мелей и перекатов расставляет по реке красные и белые бакены. Это такие плавучие плетёные корзины с фонарём наверху. Бакены показывают верную дорогу. Ночью старик ездит на лодке, зажигает на бакенах фонари, а утром тушит. А в другое время старик бакенщик рыбачит. Он завзятый рыбак.

Однажды старик рыбачил весь день. Наловил себе рыбы на уху: лещей, да подлещиков, да ершей. И приехал обратно. Открыл он дверь в землянку и смотрит: вот так штука! К нему, оказывается, гость пришёл! На столе рядом с горшком картофеля сидит весь белый-белый пушистый кот.

Гость увидал хозяина, выгнул спину и стал тереться боком о горшок. Весь свой белый бок испачкал в саже.

— Ты откуда пришёл, из каких местностей?

А кот мурлычет и глаза щурит и ещё больше себе бок пачкает, натирает сажей. И глаза у него

разные. Один глаз совсем голубой, а другой совсем жёлтый.

— Ну, угощайся, — сказал бакенщик и дал коту ерша.

Кот схватил в когти рыбку, поурчал немного и съел её. Съел и облизывается, — видно, ещё хочет.

И кот съел ещё четыре рыбки. А потом прыгнул на сенник к старику и задремал. Развалился на сеннике, мурлычет, то одну лапу вытянет, то другую, то на одной лапе выпустит когти, то на другой. И так ему, видно, тут понравилось, что он остался совсем жить у старика.

А старик бакенщик и рад. Вдвоём куда веселее. Так и стали они жить.

Бакенщику не с кем было раньше поговорить, а теперь он стал разговаривать с котом, назвал его Епифаном. Не с кем было раньше рыбу ловить, а теперь кот стал с ним на лодке ездить. Сидит в лодке на корме и будто правит.

Вечером старик говорит:

— Ну, как, Епифанушка, не пора ли нам бакены зажигать, — ведь, пожалуй, скоро темно будет? Не зажжём бакены — сядут наши пароходы на мель.

А кот будто и знает, что такое бакены зажигать. Ни слова не говоря, идёт он к реке, залезает в лодку и ждёт старика, когда тот придёт с вёслами да с керосином для фонарей.

Съездят они, зажгут фонари на бакенах — и обратно.

И рыбачат они вместе. Удит старик рыбу, а Епифан сидит рядом.

Поймалась маленькая рыбка — её коту. Поймалась большая — старику на уху.

Так уж и повелось.

Вместе служат, вместе и рыбачат.

Вот однажды сидел бакенщик со своим котом Епифаном на берегу и удил рыбу. И вот сильно клюнула какая-то рыба. Выдернул её старик из воды, смотрит: да это жадный ершишка заглотил червяка. Ростом с мизинец, а дёргает, как большая щука. Старик снял его с крючка и протянул коту.

— На, — говорит, — Епифаша, пожуй немножко.

А Епифаши-то и нет.

Что такое, куда девался?

Потом видит старик, что его кот ушёл далеко-далеко по берегу, белеется на плотах.

«С чего это он туда пошёл, — подумал старик, — и что он там делает? Пойду взгляну».

Смотрит, а его кот Епифан сам рыбу ловит. Лежит пластом на бревне, опустил лапу в воду, не шевелится, даже не моргает. А когда рыбёшки выплыли стайкой из-под бревна, он — раз! — и подцепил когтями одну рыбку.

Очень удивился старик бакенщик.

— Вот ты какой у меня ловкач, — говорит, — ай да Епифан, ай да рыбак! А ну, поймай-ка мне, — говорит, — стерлядку на уху, да пожирнее.

А кот на него и не глядит.

Рыбу съел, перешёл на другое место, снова лёг с бревна рыбу удить.

С тех пор так они и ловят рыбу: врозь — и каждый по-своему.

Рыбак снастями да удочкой с крючком, а кот Епифан лапой с когтями.

А бакены вместе зажигают.

ДРУЗЬЯ

Однажды лесник расчищал в лесу просеку и высмотрел лисью нору.

Он раскопал нору и нашёл там одного маленького лисёнка. Видно, лисица-мать успела остальных перетащить в другое место.

А у этого лесника уже жил дома щенок. Гончей породы. Тоже ещё совсем маленький. Щенку было от роду один месяц.

Вот и стали лисёнок и щенок расти вместе. И спят они рядышком, и играют вместе.

Очень занятно они играли! Лисёнок лазал и прыгал, как настоящая кошка. Прыгнет на лавку, а с лавки на стол, хвост задерёт трубой кверху и смотрит вниз.

А щенок полезет на лавку — хлоп! — и упадёт. Лает, бегает вокруг стола целый час. А потом лисёнок спрыгнет вниз, и оба лягут спать.

Поспят-поспят, отдохнут и снова начнут гоняться

друг за другом. Щенка звали Огарок, потому что он был весь рыжий, будто огонь. А лисёнка лесник назвал Васькой, как кота: он лаял тоненьким голоском — будто мяукал.

Всё лето щенок и лисёнок прожили вместе, и к осени оба выросли. Щенок стал заправским гончаром, а лисёнок оделся в густую шубу. Лесник посадил лисёнка на цепь, чтобы он не убежал в лес. «Подержу, — думает, — его на цепи до середины зимы, а потом продам его в город на шкурку».

Ему жалко было самому стрелять лису, уж очень она была ласковая. А с гончим Огарком лесник ходил на охоту и стрелял зайцев.

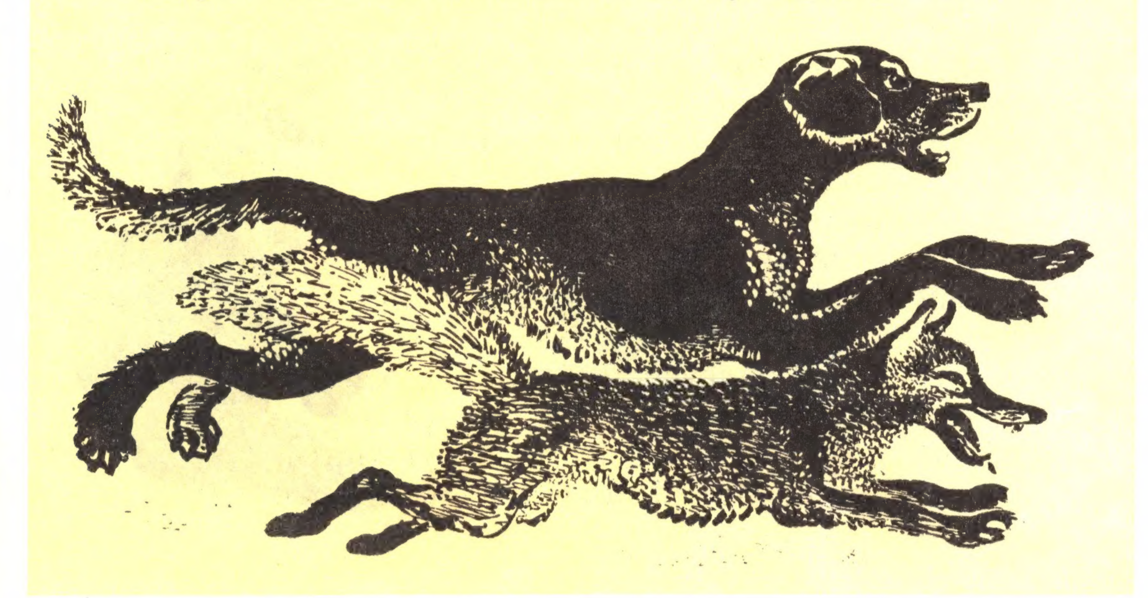
Вот однажды вышел лесник утром покормить лису. Глядит, а у лисьей будки одна цепь и рваный ошейник. Убежала лиса.

«Ну, — подумал лесник, — теперь мне не жалко тебя застрелить. Видно, не бывать тебе ручным зверем. Дикарь ты, дикарь. Найду в лесу и застрелю как дикую».

Вызвал он своего Огарка, снял с полки ружьё.

— Ищи, — говорит, — Огарко. Ищи своего приятеля. — И показал следы на снегу.

Огарок залаял и побежал по следу. Гонит, лает —

по следу идёт. И ушёл он далеко-далеко в лес, еле его слышно.

Вот он и совсем замолк.

А вот снова сюда идёт — лай всё ближе, ближе.

Лесник спрятался за ёлку на опушке, взвёл курки на ружье.

И вот видит: выбежали из лесу разом двое. Лиса и собака. Собака лает и повизгивает. И бегут они по белому снегу рядышком. Как настоящие приятели — плечо к плечу. Вместе кочки перескакивают, друг на друга смотрят и будто улыбаются. Ну как тут стрелять. Ведь собаку убьёшь!

Увидали звери лесника, подбежали. Васька прыгнул к нему на плечи, а пёс встал на задние лапы, упёрся в грудь хозяину и хамкает и ловит шутя лисий хвост.

— Эй, вы, чертенята! — сказал лесник. Спустил курки на ружье и вернулся домой.

И так жила лиса у него в избе всю зиму — не на цепи, а просто так.

А весной стала уходить в лес — мышей ловить.

Ловила-ловила да и осталась в лесу совсем.

А гончий Огарок с тех пор не гонит лисиц. Видно, все лисицы ему стали друзья.

15 коп.

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Литературно-художественное издание

Для дошкольного возраста

**Чарушин
Евгений Иванович**

ВЕРНЫЙ ТРОЙ

Ответственный редактор А. П. Ефремов.
Художественный редактор И. Н. Косарева.
Технический редактор Л. Б. Куприянова.
Корректор Т. Г. Янина.

ИБ 12 145

Сдано в набор 13.04.90. Подписано к печати 15.10.90. Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,3. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 1,77. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 687. Цена 15 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская 7.

$$К \frac{4803010201-170}{М101(03)-90} 325-90$$

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**